УДК 81'37, 81'38
DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-70-79

СИМВОЛИЧЕСКИЕ И МЕТАФОРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ОГОНЬ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Чжисюе Чжэу^{1,2}, Е. А. Юрина^{1,3}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Чунцинский университет науки и искусств, Чунцин, КНР

³ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

Введение. Исследуются лексические средства символической и метафорической репрезентации концепта «огонь» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с точки зрения их языковой семантики и культурных коннотаций, анализируется значение данного художественного концепта для выражения авторской картины мира.

Цель статьи – исследовать способы языковой репрезентации концепта «огонь» в тексте романа «Мастер и Маргарита», выявить аспекты их метафорической и символической интерпретации на вербальном и концептуальном уровнях, изучить роль этого концепта в художественной картине мира романа.

Материал и методы. Методология работы базируется на когнитивном, лингвокультурологическом и системно-структурном подходах к изучению образности языка и художественной речи, применяемых в области семантики языковых единиц и стилистики текста. Эмпирический материал составляют образные слова и выражения (143 единицы), репрезентирующие концепт «огонь» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также фрагменты текста, демонстрирующие его символическое и метафорическое функционирование (160 контекстов). Источниками определения языковых значений и мифопоэтической символики послужили опубликованные толковые и энциклопедические словари.

Результаты и обсуждение. Определен лексический и текстовый фонд художественных репрезентаций концепта «огонь» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»; выявлены способы и приемы его текстовой реализации. Исследованы культурно-символические смыслы концепта в мифологии разных культур. Описаны аспекты метафорической и символической интерпретации данного концепта в художественной картине мира романа «Мастер и Маргарита», а также его роль в выражении авторского замысла.

Заключение. Концепт «огонь» представлен в структуре текста множеством прямых и метафорических лексических репрезентаций, выражающих различные аспекты проявления огненной стихии через систему зооморфных, антропоморфных, соматических образов. Образы огня служат основой для метафорической характеристики широкого круга явлений окружающего мира (части тела человека, драгоценные камни, небесные светила, бытовые предметы) и внутреннего мира человека (чувства, эмоции, состояния). Символика данной системы образов имеет глубокие мифопоэтические корни и транслирует ключевые смыслы идейного содержания произведения.

Ключевые слова: концепт, огонь, символ, художественная картина мира, метафора, миф, «Мастер и Маргарита».

Введение

Текст романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» неоднократно становился объектом лингвостилистического и собственно лингвистического исследования в русистике. Изучались антропонимы и эволюция антропонимической системы в разных редакциях романа [1], лексика восприятия с семантикой света и цвета [2], рассматривались текстообразующие функции единиц лексической структуры [3]. Серия лингвистических работ посвящена изучению данного произведения в аспекте переводческой деятельности преимущественно на материале английских переводов романа [4, 5].

Мифопоэтическая природа «Мастера и Маргариты» анализируется преимущественно в работах по литературоведению [6–9]. Авторами отмечается глубинная мифологическая основа романа, прояв-

ленная в мотивах, художественных образах, сюжетных линиях, хронотопе, образно-символической структуре повествования.

Проблематика представленного в данной статье исследования связана с лексико-семантическим и когнитивно-стилистическим аспектами изучения языковых средств реализации мифопоэтической символики в тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Из всего многообразия имеющих мифологическую основу образов изучаются только те, которые восходят к космогоническим мифам о творении мира, составляющим основной начальный сюжет большинства мифологий. Мифы о происхождении космоса из хаоса связаны с первоэлементами бытия (огонь, вода, земля, воздух), космическими объектами (солнце, луна, звезды), природными стихиями (дождь, ветер, гром, молния) и миром природы в целом (горы, реки, расте-

ния, животные и др.). Это наиболее древний и универсальный по своей символике мифологический пласт, объединяющий различные этнические и культурные традиции.

Тематическое ограничение материала обусловлено аксиологической значимостью космогонической мифопоэтики в языковой и содержательной структуре романа и воплощенной в нем художественной картине мира; ее широкой представленностью в образах пространства и времени, сквозных символических атрибутах и знаковых характеристиках персонажей, ключевых мотивах, организующих сюжетные линии.

Языковые средства, выражающие данный тип мифопоэтической образности, высокочастотны в лексической структуре романа; они являются ярким средством экспрессии, входят в структуру разнообразных тропов (метафор, сравнений, метафорических эпитетов) и формируют систему сквозных метафорических образов символической природы.

Минимальными единицами анализа выступают слова и словосочетания, которые в контексте художественного произведения называют различные феномены, соотносимые с несущими данную мифопоэтическую символику культурными концептами. Такие единицы лексической структуры произведения отбирались в пределах минимальных контекстов (в среднем от двух до четырех предложений), необходимых и достаточных для реализации и интерпретации их предметно-понятийной и образно-символической семантики.

Всего было отобрано 690 текстовых фрагментов; выявлено 13 ключевых концептов («солнце», «луна», «звезда», «огонь», «вода», «земля», «ветер», «гроза», «дерево», «цветок», «животное», «птица», «насекомое»), проанализировано 2 100 лексических и фразеологических репрезентаций мифопоэтических образов. Некоторые концепты из этого ряда уже были рассмотрены Ч. Чжу [10, 11].

В данной статье в фокусе анализа оказывается один из ключевых мифопоэтических символов – «огонь», реализованный в лексической структуре романа. Объектом исследования выступают лексические репрезентации данного концепта, а предметом анализа являются способы образной, символической, метафорической репрезентации концепта «огонь» в тексте и его роль в выражении авторской картины мира.

Цель работы – исследовать способы языковой репрезентации концепта «огонь» в тексте романа «Мастер и Маргарита», выявить аспекты его метафорической и символической интерпретации на вербальном и концептуальном уровнях, изучить роль этого концепта в художественной картине мира романа.

Материал и методы

Методология исследования базируется на когнитивном, лингвокультурологическом и системно-структурном подходах к изучению образности языка [12–13] и художественной речи [14], применяемых в области семантики языковых единиц и стилистики текста.

Методика анализа включает следующие этапы: 1) приемом сплошной выборки из текста романа отбираются все лексические репрезентации образа «огонь» в составе законченных по смыслу фрагментов текста (микрконтекстов); 2) методами структурно-семантического, контекстного и концептуального анализа выявляются способы его языковой репрезентации в микрконтекстах, а также его метафорическая и символическая интерпретация в макрконтексте всего романа; 3) методы лингвостилистического и когнитивно-стилистического анализа применяются при изучении роли образа природной стихии в выражении идейно-художественного содержания на уровне макрконтекста: в выражении авторского замысла; 4) методом когнитивного моделирования синтезируется фрагмент художественной картины мира романа, связанный с огнем; 5) метод лингвокультурологического комментария используется при анализе мифопоэтической символики анализируемого образа.

Результаты и обсуждение

Огонь является одной из основных стихий мироздания наряду с водой, землей, воздухом. Это также один из самых древних мифологических символов, воплощающий идею божественной силы и демонстрирующий результат божественной деятельности [15–19]. В архаических культурах огонь считался земным воплощением солнца, поэтому он во многом разделяет его символику [15, с. 246]. В символике первостихий огонь противопоставлен воде и земле как активное мужское начало и сближается с воздухом в способности символизировать духовные явления [16, с. 117]. Как и многие другие мифологические символы, огонь амбивалентен: это опасная и разрушительная стихия, но «укротенный и поставленный на службу человеку огонь очага – это символ семейного благополучия и мира; он очищает и защищает, отвращает зло» [16, с. 117]. В словаре Джека Тресиддера символика огня описывается как «божественная энергия, очищение, откровение, преображение, возрождение, духовный порыв, искушение, честолюбие, вдохновение, сексуальная страсть; сильный и активный элемент, символизирующий как созидательные, так и разрушительные силы» [15, с. 246].

В тексте романа «Мастер и Маргарита» [20] лексическое поле концепта «огонь» представлено

весьма обширно. В ядре этого поля находятся номинации *огонь* (64 словоупотребления), *огонек* (6), *огонечек* (5), прилагательное *огненный* (9). Околоядерное подмножество составляют наименования объектов и явлений, связанных с процессом горения: *пламя* (11), *костер* (4), *искра*, *пожар*, ближайшую периферию – наименования осветительных приспособлений с открытым огнем: *свеча*, *пятисвечие*, *лампада*, *лампадка*, *факел*, *светильник*, далее на периферии – приборы электрического освещения: *лампа*, *фонарь* и природное явление *молния*, символизирующая небесный огонь. Многократно используются слова и выражения, называющие различные аспекты проявления огня (*зажечься*, *вспыхнуть*, *потухнуть*, *светиться*, *гореть*, *освещать*); употребляются образные характеристики этой природной стихии (143 единицы метафорического характера): запрыгали огни, озеро огней, цепочки огней, огненные пасти, огненная нитка, играло пламя светильников, язычок пламени и др. Образ огня используется для характеристики эмоций, чувств любви и гнева, цвета и температуры: *дьявольский огонь сверкнул в его глазах*; *солнце, зазвев, лопнуло над ним и залило его огнем ушей*; *тело его (Левия) наполнилось огнем*. Образные выражения с исходной семантикой огня употребляются для описания различных объектов: *огненный шелк* (о волосах), *рыжий, как огонь* (о волосах), *огнедышащее озеро* (о борще), *зажигалось изломанное ослепительное солнце*; *глаз Воланда горел*; *траурный плащ, подбитый огненной материей* и др.

Художественный концепт «огонь» занимает важное место в картине мира романа. Характеризуя космоцентричность мифопоэтического в «Мастере и Маргарите», Т. Ю. Малкова говорит о способности романа отражать различные полимиры: «Перед нами возникают бытийные миры (мифомир мифологизированного прошлого – „воображаемый Ершалаим“; мифомир жизни после смерти – инобытие романа), миры состояния (мифомир сна). Миры сакрального верха и низа в их оппозиции формируют особую пространственную ось романа» [9, с. 219]. Образы огня присутствуют во всех мирах пространственной многомерности: в Ершалаиме, в Москве, в потустороннем иномирии, – охватывая в своей амбивалентности аксиологический «верх» (божественное) и «низ» (демоническое). По физической форме огонь предстает как небесный (молния), земной (костер, огонь в печке и камине, пожар, освещение: лампа, фонарь, свечи, лампадка, светильник, факел, пятисвечие); и подземный (адский огонь). В романе актуализируются четыре аспекта стихии огня:

1) огонь как свет: а) излучаемый пламенем (костер, свеча, лампада, факел и т. д.): *Но тут вдалеке*

и сверху замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться; б) идущий от электрических приборов (лампа, фонарь): *Иван Николаевич был уже ослеплен огнями на Арбаской площади*;

2) «прирученный» огонь в печи, камине: *В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь*;

3) «стихийный» огонь – пламя, уничтожающее материальные объекты (пожар): *Гостиная уже была полна огнем и дымом; Пламя выхлестнуло в переднюю; вспыхнули полотняные шторы на окнах и на полу загорелся бензин*;

4) небесный огонь (молния): *Настала полутьма, и молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем; Через все небо пробежала одна огненная нитка*.

Рассмотрим подробнее каждый из выделенных аспектов.

Огонь как источник света. В художественной картине мира романа «Мастер и Маргарита» концепт «огонь» тесно связан с ключевым художественным концептом «свет», который составляет символическую оппозицию концепту «тьма», выражая божественное начало любви, добра, жизни, истины, созидания. В этом отношении концепт «огонь» пересекается в своем символическом функционировании с образами небесных светил (солнце, луна, звезда) [10]. В системе персонажей «свет» связан с образом Иешуа, а также с теми героями, которые несут в душе свет любви (Маргарита), истины (Мастер), стремятся к истине (Иван Бездомный), неосознанно тянутся к ней (Понтий Пилат). «Тьма», напротив, символизирует утрату божественной любви, отказ от истины, невежество, греховность, порочность, смерть, разрушение и связана с демоническими образами Воланда и его свиты, персонифицирующими темные высшие силы, которым доступно знание истины, но задача их состоит в искушении человечества с целью обнажения пороков и эгоистических устремлений личности; а также с образами персонажей, выражающих различные пороки: трусость, гордыню, лживость, лицемерие, невежество, тщеславие, алчность, корыстолюбие, распутство и т. д. (Понтий Пилат, Каифа, Афраний, Иуда, Берлиоз, Алоизий Могарыч, Никанор Иванович Босой, барон Майгель, буфетчик Соков, Степа Лиходеев и др.).

Свет огня в романе показан по принципу контраста: от максимально яркого ослепительного свечения до слабого тусклого света и полной темноты. Так, во время погони за Воландом и его свитой Иван Бездомный попеременно попадает то в пространство яркого освещения (горят огни фонарей, огни в окнах домов), то в полную темноту: *Еще несколько секунд, и вот какой-то темный переулочек с покосившимися тротуарами <...> Опять освещенная магистраль – улица Кропоткина. <...> и*

еще переулоч, унылый, гадкий и **скупое освещенный**. Во время погони Иван забрел в дом Федора Иваныча, где было темно, а затем появилось слабое **адское освещение**: *В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком <...> На Ивана пахнуло влажным, теплом и, при свете углей, тлеющих в колонке, он разглядел большие корыта, <...> Она близоруко прищурилась на ворвавшегося Ивана и, очевидно, обознавшись в **адском освещении** <...>.*

В нехорошей квартире № 50 освещение тоже слабое – горят свеча и лампадка. По словам Коровьева, мессир не любит электрического света. Коровьевская лампадка в темноте провожала Маргариту на великий бал у сатаны. Во тьме свет лампадки оказывается более слабым и таинственным: *Но тут вдалеке и вверху замигал огонек какой-то лампадки и начал приближаться. Гаснущий свет, погружений в темноту означает опасность. Почти во всех культурах мира чёрт боится света и не отбрасывает тень от освещения: Римскому показалось, что свет в настольной лампе гаснет и что письменный стол наклоняется.*

Максимально яркий, ослепительный свет тоже символизирует неестественное для человека состояние, напоминающее преисподнюю. Так характеризуется зал в ресторане Грибоедова (*На каждом столике помещалась лампа, накрытая шалью; в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда*), помещение морга (*Далеко, далеко от Грибоедова, в громадном зале, освещенном тысячесвечовыми лампами, на трех цинковых столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем*), сцену в театре «Варьете» (*В паутине трапезий под куполом, как солнце, зажглись белые шары; Через минуту... вспыхнула и дала красноватый отблеск на низ занавеса рампа*). Даже в театральном зале во сне Никанора Ивановича люстры ослепительно яркие: *В глаза ему снизу и спереди ударил свет цветных ламп, отчего сразу провалился в темноту зал с публикой; Бешеные рукоплескания потрясли зал до того, что Никанору Ивановичу показалось, будто в люстрах запрыгали огни.*

В окнах спальни Маргариты горит бешеный свет: *Трехстворчатое окно в фонаре, открытое, но задернутое шторой, светилось бешеным электрическим светом.* Показательно, что сама спальня Маргариты размещается в эркере, который М. Булгаков называет «фонарем»¹. То есть героиня как бы живет в фонаре. Здесь образ, на наш взгляд, амбивалентный, символизирующий как огонь и

свет любви, так и приобщение к таинствам демонического мира. Ярким светом освещается великий бал сатаны, на котором кроме освещения, еще оказались волшебные огни, блуждающие на болотах или кладбищах: (*Маргарита*) *увидела бесчисленные огни в колпачках; В капителях колонн, когда погасало электричество, загорались мириады светляков, а в воздухе плыли болотные огни.*

Ночью Москва сияет горящими электрическими огнями: *Маргарита, открыв глаза, увидела под собой не лесную тьму, а дрожащее озеро московских огней; ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу.*

В пространстве древнего Ершалаима источниками освещения являются факел, свеча и светильник. Светильник в христианстве символизирует надежду, свет данный Богом. Слово «светильник» встречается 10 раз. Накануне Пасхи Ершалаим сияет огнями светильников: *Во всех окнах играло пламя светильников, и отовсюду, сливаясь в нестройный хор, звучали славословия.* Понтий Пилат с горькой иронией упоминает о светильниках, которые зажег Иуда при встрече с Иешуа, что усиливает мотив предательства, подчеркивает степень духовной слепоты. Во дворце зажигали перед Пилатом три светильника, которые являются атрибутом праздника Пасхи: *Три светильника на столе оказались перед прокуратором, и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто Афраний увел ее с собою; Светильники давным-давно погасли. На ложе лежал прокуратор.*

Понтий Пилат инстинктивно стремится укрыться от света, он боится не только сжигавшего его солнца, но и света факела: *Заслонясь от пламени рукою, он продолжал: – И ночью, и при луне мне нет покоя. О, боги!* Образ факела встречается только в пространстве Ершалаима, как правило, в руках воинов, стражников. Он передает состояние тревоги, психологического напряжения: *Под аркою ворот танцевало и прыгало беспокойное пламя факелов; Когда стража вошла в пещеру с факелом, Левий впал в отчаяние и злобу.* Изображение пламени факела и светильника представлено при помощи глагольной метафоры: *Пламя заиграло на колоннах; танцевало и прыгало беспокойное пламя факелов.*

Источником освещения в Ершалаиме и символом власти является пятисвечие: *Пройдя башню, Иуда, повернувшись, увидел, что в страшной высьоте над храмом зажглись два гигантских пяти-свечия.*

По данным словаря Джека Тресиддера, свеча символизирует духовный свет во тьме невежества, является эмблемой Христа, Церкви, Благодати, Веры и Свидетельства. В частном смысле символизирует одинокую трепетную человеческую душу

¹ Фонарь в архитектуре – застекленный или имеющий много окон выступ в стене здания.

[15, с. 248]. В художественном мире романа – это церковная венчальная свеча в руках Ивана Бездомного, которую он нашел во время погони за Воландом. Этот образ демонстрирует внутреннее преобразование в душе Ивана – начало его веры и пути к истине: *Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: – Братья по литературе; Здесь из внутреннего зала повалил на веранду народ, вокруг Иванова огня сдвинулась толпа.* Появление Ивана у ресторана Грибоедова метонимически показано как движение огонечка: *Вслед за тем, откуда ни возьмись, у чугунной решетки вспыхнул огонечек и стал приближаться к веранде; Сидящие за столиками... увидели, что вместе с огонечком шествует к ресторану белое привидение.*

Образ свечи в романе также амбивалентен. С одной стороны, свеча Ивана как символ светлой силы, изгоняющей злых духов, а с другой – семисвечники Воланда, детально описанные как свет темной силы: *Перед кроватью стоял дубовый на резных ножках стол, на котором помещался канделябр с гнездами в виде когтистых птичьих лап. В этих семи золотых лапах горели толстые восковые свечи.* Был еще один стол с какой-то золотой чашей и другим канделябром, ветви которого были сделаны в виде змей. Семисвечник в христианстве является незаменимым предметом церковной утвари. Он унаследован от ветхозаветной традиции (минора в иудаизме) и символизирует свет даров Святого Духа. Это символ преемственности духовной традиции, вневременной связи с энергией Творца. В романе Булгакова это атрибут Воланда, который пришел в Москву не ради уничтожения жизни людей, а для утверждения высших законов мироздания, справедливого возмездия, разоблачения пороков и невежества.

Огонь костра, пламя в печи и камине. Укрощенный огонь в домашнем очаге несет иную символику. Это поистине земной огонь, символ мощной защиты человека, созидательной силы человеческого сообщества, дарованной богами (мифы о похищении огня); это священный огонь семейного очага, символ счастливой и благополучной жизни [9, с. 168]. В этом символе актуализируется семантика тепла, жара. В художественной картине мира романа это огонь печки в подвальной Мастерской, дарующий свет и тепло, покой и уют, изгоняющий страх и холод. Огонь личный, присвоенный, согревающий свое выделенное пространство, свой круг близких людей. Огонь очага является символом душевного тепла, любви и истинной преданности любящих сердец. В романе он тесно связывается с образами Мастера и Маргариты, обретающими гармонию и недолгое счастье у домашнего очага: *И в печке у меня вечно пылал огонь; и мы оба жили тем, что сидели на коврике на полу у печки и*

смотрели на огонь. Вечный покой как воздаяние за талант и любовь дарован этим персонажам в загробной жизни.

Образ огромного камина в квартире № 50, занятой Воландом и его свитой, также играет очень важную роль в романе. Слово **камин** встречается 20 раз. Здесь также присутствует символика домашнего очага, тепла и покоя семейного круга: *В старинном громадном камине, несмотря на жаркий весенний день, пылали дрова; Перед камином на тигровой шкуре сидел, благодушно жмурясь на огонь, черный котик.*

Кроме этого, огонь в печи и камине символизирует присутствие в материальном мире другой, невещественной формы энергии, которая влечет, завораживает, дарует свет и тепло, но представляет потенциальную опасность своей разрушительной трансформирующей силой: огонь уничтожает материальную форму, питается материей. Это своеобразный «проход» в иной мир через трансформацию, уход из настоящего в прошлое, из времени в вечность, дематериализация. Эта идея реализуется в мотиве сожжения, сознательного уничтожения огнем того, что лишь кажется ценным, значимым в этом мире (рукописи Мастера, книг и домашней утвари в подвале, медицинской карточки в камине Воланда): *Пепел по временам одолевал меня, душил пламя, но я боролся с ним, и роман, упорно сопротивляясь, все же погибал; Азazelло сунул руку с когтями в печку, вытащил дымящуюся головню и поджег скатерть на столе; Мастер, уже опьяненный будущей скачкой, выбросил с полки какую-то книгу на стол, спустил ее листы в горящей скатерти, и книга вспыхнула веселым огнем; Коровьев швырнул историю болезни в камин.* Так проявляется очистительная сила огня, способного убрать все ненужное, временное, иллюзорное, поскольку истинные ценности принадлежат вечности, они нетленны. В этом видится смысл сакраментальной фразы Воланда «*рукописи не горят*».

Образ камина в художественной картине мира романа демонстрирует и обратный проход из небытия иномирия преисподней в фантомную реальность великого бала сатаны: *Она видела громадную швейцарскую с совершенно необъятным камином, в холодную и черную пасть которого мог свободно въехать пятитонный грузовик; Но тут вдруг что-то грохнуло внизу в громадном камине, и из него выскочила виселица с болтающимся на ней полурассыпавшимся прахом; Из камина выбежал полустлевший небольшой гроб, крышка его отскочила, и из него вывалился другой прах.* Камин трансформируется в символические ворота ада, истлевший прах материализуется, границы между временем и вечностью стираются.

Образ костра появляется в романе в эпизоде преобразования Маргариты, воспроизводящем элементы языческих обрядов очищения водой и огнем. Костер (возрожденный и поддерживаемый открытый огонь) символизирует здесь естественную природную силу, мощную жизненную энергию, свободную от социальных рамок и идеологических предрассудков. Не случайно в компании с Маргаритой на берегу реки среди деревьев находятся антропоморфные мифологические духи природы (русалки, бог Пан) и животные (лягушки). Пламя костра изображается автором через динамические образные характеристики: *метался огонечек от костра и виднелись какие-то движущиеся фигурки; веселее взлетел сноп искр из костра; играл мятущийся свет от костра; костер догорал, и угли затягивало седой золой*. Образ костра передает ощущение свободы и радости, веселое настроение Маргариты после освобождения тела и души.

Пожар, неуправляемая разрушительная стихия огня. Важный символический смысл огня, связанный с деструктивным аспектом проявления этой стихии – уничтожением, максимально реализуется в ситуации пожара. В московской сюжетной линии романа присутствуют четыре пожара, которые происходят в нехорошей квартире № 50 (...Затем он (Бегемот) плеснул вниз бензином, и этот бензин сам собою *вспыхнул, выбросив волну пламени до самого потолка. Загорелось как-то необыкновенно, быстро и сильно*), в валютном магазине на Смоленском (коварный Бегемот... *окатил из примуса кондитерский прилавок бензином, и он вспыхнул сам собой. Пламя ударило кверху и побежало* вдоль прилавка, *пожирая красивые бумаженные ленты*), в ресторане дома литераторов (из примуса *ударил столб огня прямо в тент. Как бы зияющая пасть с черными краями появилась в тенте и стала расползаться во все стороны. Огонь, проскочив сквозь нее, поднялся до самой крыши*) и в подвальчике Мастера (Тогда *огонь!* – *вскричал Азazelло, – огонь, с которого все началось и которым мы все заканчиваем*). Инициированный темными силами пожар является актом возмездия, символизирует наказание за несправедную жизнь, несправедливый социальный миропорядок, уничтожение огнем всего злого и порочного, а в последнем случае – избавление Мастера и Маргариты от страданий в социальной реальности (*Гори, гори, прежняя жизнь! Гори, страдание!*), их освобождение и выход за пределы физического существования. Здесь актуализируется очистительная символика огня.

Ситуация пожара также встречается в эпизоде великого бала сатаны, когда Воланд показывает глобус, который *«наливается огнем»* в том месте,

где началась война: *крыша этого дома взлетела наверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробки ничего не осталось, кроме кучечки, от которой валил черный дым*.

В лексической структуре романа образы пожара представлены генетивными метафорами: *столб огня, волна пламени, багровые столбы пламени, струйка дыма*; экспрессивными глаголами с семантикой интенсивных и резких действий, процессов: *вспыхнуть, выхлестнуть, выбросить*; глагольными метафорами с исходной семантикой движений человека и животного: *ударить, побежать, пожирать, слизнуть, расползаться*. Таким образом создается динамическая и наглядная картина «живой», подвижной, стремительной и всеохватной огненной стихии.

Небесный огонь представлен в романе образом молнии во время грозы в Ершалаиме и Москве. В словаре В. И. Даля словосочетание «небесный огонь» толкуется как «нисшедший сверху, из облаков, молния» [21, с. 1659]. Этим словосочетанием называет молнию и Булгаков: *опять прятался небесный огонь; если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет...; Левий ждал огня, который упадет на него с неба и поразит его*.

В мифах многих культур молния является атрибутом верховного божества, его оружием, уничтожающим противников, и символизирует божественный гнев, карающую высшую силу. Символика молнии имеет и позитивные аспекты: соединяющая небо и землю, она олицетворяет божественную волю и энергию творческого преобразования, озарения.

В художественной картине мира романа образ молнии является частью более сложного комплексного концепта грозы, представленного картиной грозных темных туч, бушующего урагана, мощных ливневых потоков, раскатов грома, вспышек молнии, пронизывающих темноту. Гроза синтезирует символику мощной разрушительной и очистительной силы огня и воды как гнева и кары господней, несущих в то же время преобразование и возрождение.

В тексте романа молния обозначается через предметную метафору нитей: *Туча ворчала, и из нее время от времени вываливались огненные нити; И тут же, глядя на нити огня, раскраивающие тучу, стал просить, чтобы молния ударила в столб Иешуа*. Вспышки молнии передаются серией глагольных метафор: *молнии бороздили черное небо. Из него вдруг брызнуло огнем; дымное черное варево распарывал огонь; нестойкое трепетание небесного огня* и др.

Взаимопроникновение двух противоположных стихий – огня и воды – проявлено не только в обра-

зе грозы, но и в метафорической характеристике огня по аналогии с водой: *озеро дрожащих электрических огней; два ряда редких огней слились в две непрерывные огненные черты; поднялась волна пламени* и др.

Заключение

О значимости концепта «огонь» в художественной картине мира романа «Мастер и Маргарита» можно судить по многочисленному составу его лексических репрезентаций в структуре текста, богатству и разнообразию метафорических и иных тропеических (сравнения, эпитеты) способов выражения различных аспектов проявления огненной стихии, изображаемой через систему зооморфных, антропоморфных, соматических образов. Образы огня служат в свою очередь основой для метафорической характеристики широкого круга явлений окружающего мира (частей тела человека, драгоценных камней, небесных светил, природных объектов, бытовых предметов) и внутреннего мира человека (чувств, эмоций, состояний).

Символической интерпретации в авторской картине мира подлежат четыре важных аспекта огненной стихии — это свет, тепло и разрушительная сила земного огня (пламени), представленные в образах осветительных приборов, очага и пожара;

а также небесный огонь в образе молнии. Символика данной системы образов имеет глубокие мифопоэтические корни, восходящие к космогоническим мифам индоевропейских и других архаичных культур, а также присутствует в священных текстах более поздних религиозно-философских писаний.

В художественной модели мира романа эти сквозные образы выступают символическими атрибутами ключевых персонажей, позволяют автору расширить границы художественного пространства и времени до масштабов вселенной и вечности, способствуют созданию многомерной картины множественных миров (социально-бытового, историко-культурного, фантомно-мистического, сомнабулического, сакрального, мифологического); транслируют ключевые смыслы идейного содержания, связанные с экзистенциально-философскими проблемами нравственной природы человека, духовного развития, стремления к истине, любви и преданности, веры в бога, смерти и бессмертия.

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 18-18-00184 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций».

Список литературы

1. Багирова Е. П. Эволюция антропонимикона в текстах разных редакций романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 229 с.
2. Свинцицкая Е. В. Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 234 с.
3. Волков О. В. Текстобразующие функции лексических средств в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 244 с.
4. Замараева Е. В. Глаголы эмоционального состояния в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» в аспекте перевода // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 137–140.
5. Телицына Е. Л. Трудности перевода культурно-специфического лексикона на примере романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2018. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. С. 246–252.
6. Урюпин И. С. Мифопоэтические корни образа Азazelло в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестн. Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 25. 2008, № 26 (127). С. 149–159.
7. Фридля И. И. Употребление глаголов со значением повторяющихся действий в прошлом (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его чешского перевода) // Вестн. Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2003. Вып. 3. С. 150–152.
8. Корниенко О. А. Мифопоэтика inferнальной образности романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестн. Московского ун-та. Серия 9: Филология. 2016. № 3. С. 90–118.
9. Малкова Т. Ю. Мифопоэтическая основа демонических образов и мотивов в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Молодой ученый. 2011. Т. 1, № 2 (25). С. 218–223. URL: <https://moluch.ru/archive/25/2615> (дата обращения: 29.04.2020).
10. Чжу Ч. Лексические и фразеологические репрезентации концептов небесных светил в художественной картине мира романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 7 (204). С. 63–71.
11. Чжу Ч. Символика воды и ее репрезентации в лексической структуре текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 197–200.
12. Юрина Е. А. Лексическая структура ассоциативно-образного семантического поля // Вестн. Томского гос. ун-та. 2003. № 277. С. 198–204.

13. Юрина Е. А., Помаролли Д. Библиейская символика хлеба в образных средствах русского и итальянского языков // Язык и культура. 2017. № 39. С. 84–106.
14. Юрина Е. А., Темирова Ж. Г. Концепт «Честь» и его образные репрезентации в контаминированной картине мира писателя-билингва (на материале рассказа Р. Сейсенбаева «Честь») // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 61. С. 149–176.
15. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 246–248.
16. Адамчик М. В. Словарь символов. Минск: Харвест, 2010. С. 117–118.
17. Иванов В. В. Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 239–240.
18. Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 9.
19. Шуклин В. В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Урал. изд-во, 2001. С. 238.
20. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2012. 416 с.
21. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1905. С. 1659.

Чжу Чжисюе, аспирант, младший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050); младший преподаватель, Чунцинский университет науки и искусств (ул. Хунхэ, 316, Чунцин, Китай, 402160), E-mail: chzhisyue2017@yandex.ru

Юрина Елена Андреевна, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050); профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (ул. Академика Волгина, 6, Москва, 117485). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 04.05.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2020-4-70-79

SYMBOLIC AND METAPHORIC REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT “FIRE” IN THE LEXICAL STRUCTURE OF THE TEXT IN M. BULGAKOV’S NOVEL “THE MASTER AND MARGARITA”

Zh. Zhu^{1,3}, E. A. Yurina^{1,2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Chongqing University of Science and Arts, Chongqing, China

³ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Introduction. The article investigates the lexical means of the symbolic and metaphorical representation of the concept of “Fire” in M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita” in terms of their language semantics and cultural connotations, analyzes the significance of this artistic concept for expressing the author’s worldview.

The purpose of the work is to investigate the ways of linguistic representation of the concept of “Fire” in the text of the novel “The Master and Margarita”, to identify aspects of their metaphorical and symbolic interpretation at the verbal and conceptual levels, to study the role of this concept in the artistic worldview of the novel.

Material and methods. The methodology of work is based on cognitive, linguoculturological and systemic-structural approaches in the study of the figurativeness of the language and artistic speech used in the field of semantics of linguistic units and stylistics of text.

The empirical material consists of figurative words and expressions (143 units) which represent the concept of Fire in M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”, as well as fragments of the text demonstrating its symbolic and metaphorical functioning (160 contexts). Sources of definition of linguistic meanings and mythopoetic symbols were published explanatory and encyclopedic dictionaries.

Results and discussion. In M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita” were defined the lexical and textual fund of artistic representations of the concept “Fire”; there were revealed methods and techniques of its textual implementation. The cultural and symbolic meanings of the concept were investigated in the mythology of different cultures. The aspects of the metaphorical and symbolic interpretation of this concept were described in the artistic worldview of the novel “The Master and Margarita”, as well as its role in expressing the author’s intention.

Conclusion. The concept of “Fire” is represented in the text structure by a multitude of direct and metaphorical lexical representations expressing various aspects of the manifestation of the fire element through a system of zoomorphic, anthropomorphic, somatic images. Images of fire form the basis for a metaphorical description of a wide range of phenomena of the surrounding world (parts of the human body, precious stones, celestial bodies, everyday objects) and the human inner world (feelings, emotions, conditions). The symbolism of this system of images has deep mythopoetic roots and translates the main meanings of the ideological content of the work.

Keywords: *concept, fire, symbol, artistic picture of the world, metaphor, myth, Master and Margarita.*

References

1. Bagirova Ye. P. *Evolutsiya antroponimikona v tekstakh raznykh redaktsiy romana M. A. Bulgakova "Master i Margarita"*. Dis. kand. filol. nauk [Evolution of anthroponymicon in the texts of various editions of the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita". Diss. cand. philol. sci.]. Tyumen, 2004. 229 p. (in Russian).
2. Svintsitskaya Ye. V. *Realizatsiya khudozhestvenno-esteticheskogo potentsiala leksiki vospriyatiya v romanakh M. A. Bulgakova*. Dis. kand. filol. nauk [Realization of the artistic and aesthetic potential of the vocabulary of perception in the novels of M. A. Bulgakov. Diss. cand. philol. sci.]. Samara, 2004. 234 p. (in Russian).
3. Volkov O. V. *Tekstoobrazuyushchiye funktsii leksicheskikh sredstv v romane M. Bulgakova "Master i Margarita"*. Dis. kand. filol. nauk [Text-forming functions of lexical means in the novel by M. Bulgakov "The Master and Margarita". Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2000. 244 p. (in Russian).
4. Zamarayeva Ye. V. *Glagoly emotsional'nogo sostoyaniya v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita" v aspekte perevoda* [Verbs of emotional state in the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita" in the aspect of translation]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2009, no. 2, pp. 137–140 (in Russian).
5. Telitsyna Ye. L. *Trudnosti perevoda kul'turno-spetsificheskogo leksikona na primere romana M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Difficulties in translating a culturally specific vocabulary using the example of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiye nauki*. 2018, Vyp. 114, no. 10 (420), pp. 246–252 (in Russian).
6. Uryupin I. S. *Mifopoyeticheskiye korni obraza Azazello v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Mythopoeitic roots of the image of Azazello in the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*. Vypusk 25, 2008, no. 26 (127), pp. 149–159 (in Russian).
7. Fridl' I. I. *Upotrebleniye glagolov so znacheniyem povtoryayushchikhnya deystviy v proshlom (na materiale romana M. A. Bulgakova "Master i Margarita" i yego cheshskogo perevoda)* [Use of verbs with the meaning of repetitive actions in the past (based on the material of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" and its Czech translation)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: 2. Yazykoznanie – Science Journal of VolSU. Linguistics*, 2003, no. 3, pp. 150–152 (in Russian).
8. Korniyenko O. A. *Mifopoetika infernal'noy obraznosti romana M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [Mythopoeitics of the infernal imagery of the novel M. A. Bulgakova "The Master and Margarita"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya – Moscow University Philology Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 90–118 (in Russian).
9. Malkova T. Yu. *Mifopoeticheskaya osnova demonicheskikh obrazov i motivov v romane M. A. Bulgakova "Master i Margarita"* [The mythological foundation of demonic images and motifs in the novel by M. A. Bulgakov "The Master and Margarita"]. *Molodoy uchenyy*, 2011, no. 2 (25), vol. 1, pp. 218–223 (in Russian). URL: <https://moluch.ru/archive/25/2615> (accessed 29 April 2020).
10. Zhu Zh. *Leksicheskkiye i frazeologicheskkiye reprezentatsii kontseptov nebesnykh svetil v khudozhestvennoy kartine mira romana M. Bulgakova "Master i Margarita"* [Lexical and phraseological representations of celestial bodies concepts in the artistic picture of the world of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, no. 7 (204), pp. 63–71 (in Russian).
11. Zhu Zh. *Simvolika vody i yeye reprezentatsii v leksicheskoy strukture teksta romana M. Bulgakova "Master i Margarita"* [The symbolism of water and its representation in the lexical structure of the text of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of "Humanities"*, 2020, no. 3, pp. 197–200 (in Russian).
12. Yurina E. A. *Leksicheskaya struktura assotsiativno-obraznogo semanticheskogo polya* [The lexical structure of the associative-shaped semantic field]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2003, no. 277, pp. 198–204 (in Russian).
13. Yurina E. A., Pomarolli D. *Bibleyskaya simvolika khleba v obraznykh sredstvakh russkogo i ital'yanskogo yazykov* [Biblical symbolism of bread in the figurative means of the Russian and Italian languages]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2017, no. 39, pp. 84–106. DOI: 10.17223/19996195/39/6. (in Russian).
14. Yurina E. A., Temirova Zh. G. *Kontsept "Chest" i yego obraznyye reprezentatsii v kontaminirovannoy kartine mira pisatelya-bilingva (na materiale rasskaza R. Seysenbayeva "Chest")* [The concept of "Honor" and its figurative representations in a contaminated picture of the world of a bilingual writer (based on R. Seisenbaev's story "Honor")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2019, no. 61, pp. 149–176. DOI: 10.17223/19986645/61/9 (in Russian).
15. Tresidder D. *Slovar' simvolov* [Dictionary of characters]. Moscow, FAIR-PRESS Publ., 1999. Pp. 246–248 (in Russian).
16. Adamchik M. V. *Slovar' simvolov* [Dictionary of characters]. Minsk, Kharvest Publ., 2010. Pp. 117–118 (in Russian).
17. Ivanov V. V. *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1980. Pp. 239–240 (in Russian).
18. Potebnya A. A. *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in folk culture]. Moscow, Labirint Publ., 2000. P. 9 (in Russian).

19. Shuklin V. V. *Russkiy mifologicheskiy slovar'* [Russian mythological dictionary]. Yekaterinburg, Ural'skoye izd-vo Publ., 2001. P. 238 (in Russian).
20. Bulgakov M. A. *Master i Margarita* [The Master and Margarita]. Moscow, Eksmo Publ., 2012. 416 p. (in Russian).
21. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of living Great Russian language]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1905. 1659 p. (in Russian).

Zhu Zhixue, graduate student, junior researcher, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050); junior lecturer, Chongqing University of Science and Arts (316 Honghe Street, Chongqing, China, 402160), E-mail: chzhisyue2017@yandex.ru

Yurina E. A., doctor of philology, professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050), professor, Pushkin State Russian Language Institute (ul. Akademika Volgina, 6, Moscow, Russian Federation, 117485). E-mail: yourina2007@yandex.ru